

Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория

Малько А.В.

Поволжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Субочев В.В.

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3536-4707>, e-mail: vvsuchochev@mail.ru

В статье предпринимается попытка обоснования и введения в научный оборот категории «политико-правовое манипулирование», которая позволит выйти на новый уровень исследования тесно коррелирующих психологических, политических и правовых средств, воздействующих на общественное сознание.

Отстаивается точка зрения, согласно которой исследуемая категория создает своеобразный методологический трамплин в исследовании двух важнейших аспектов масштабного процесса политико-правового воздействия на общественные процессы: а) юридических механизмов, средств, приемов и техники реализации политических манипуляций; б) воздействия политической конъюнктуры на само право, на правотворческие, правореализационные и правоинтерпретационные процессы в государствах.

Политико-правовое манипулирование рассматривается как одна из форм психологического воздействия на общественные отношения, в которой синтезируются психологические, политические и правовые средства.

В статье подробно исследуются природа, сущность и признаки политико-правового манипулирования, его основные цели и задачи, а также тот набор средств, который и придает специфику именно данной разновидности манипулирования.

Ключевые слова: манипулирование, политико-правовое манипулирование, политические процессы, политическое средство, правовое средство, психологическое воздействие, психологический феномен, правовое регулирование, правовая политика, международные отношения; международное право.

Малько А.В., Субочев В.В.
Политико-правовое манипулирование как
психологический феномен и научная категория
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 163—180.

Malko A. V., Subochev V. V.
Political and legal Manipulation as a Psychological
Phenomenon and a Scientific Category
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 163—180.

Для цитаты: Малько А.В., Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 163—180. DOI:10.17759/psylaw. 2021110113

Political and legal Manipulation as a Psychological Phenomenon and a Scientific Category

Alexander V. Malko

Volga Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice", Saratov, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Vitaly V. Subochev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3536-4707>, e-mail: vvsubochev@mail.ru

The article attempts to justify and introduce the scientific term of "political and legal manipulation" that will make it possible to reach a new level of discussion of closely coupled psychological, political and legal means influencing the public consciousness.

It is maintained that the term under discussion offers a kind of a methodological stepping stone in the research of the two most important aspects of a far-reaching process of political and legal influence on social processes: a) legal mechanisms, tools, tricks and techniques of carrying out certain political manipulations; b) the impact of political expediency on the law itself, on the processes of lawmaking, implementation and interpretation of law within nations of the world.

Political and legal manipulation is viewed as a form of psychological impact on the social relations combining psychological, political and legal means.

The article studies in detail the nature, essence and indicators of political and legal manipulation, its main goals and objectives, as well as the selection of tools that lends such a specific character to this kind of manipulation.

Keywords: manipulation, political and legal manipulation, political processes, political tool, legal means, psychological impact, psychological phenomenon, legal governance, legal policy, international relations, international law.

For citation: Malko A. V., Subochev V. V. Political and legal Manipulation as a Psychological Phenomenon and a Scientific Category. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 163—180. DOI:10.17759/psylaw. 2021110113 (In Russ.).

Введение

Современный этап развития государств и государственности как таковой уже невозможно представить без огромного арсенала политико-правовых средств и инструментов, которые используются как для оптимизации управляющего воздействия на общественные процессы

внутри страны, так и для успешного позиционирования и отстаивания ключевых национальных интересов на международной арене. В условиях сложившихся геополитических реалий все острее становятся дискуссии о том, что же делает государство эффективным, состоятельным [1] и как измерить, а главное, повысить данные показатели.

Вполне очевидной стала неразрывная связь политических и правовых (юридических) инструментов, используемых публичной властью для реализации как стратегических, так и тактических целей общественного развития. Публичная политическая власть реализуется при помощи права, юридических средств и механизмов, в то время как принимаемые властными органами правовые нормы не могут не ориентироваться и все чаще увязываются с политическими обстоятельствами, обусловившими или, по крайней мере, сопутствующими их принятию. Искусственное разделение политического и правового регулирования в масштабах государственного управления — это оторванное от реалий, устаревшее представление о «политическом» и «правовом» как самостоятельных сферах общественной жизни.

В этой связи, вполне очевидно, актуализируется необходимость продолжения исследования категории «правовая политика». Следует понимать, что «... каждой категории — свое время. В XXI веке активно формируется категория правовой политики, отражающая собой многогранную реальность: процессы оптимизации права, пути правового развития общества, способы полноценного выстраивания его правовой системы и т. д. Категория «правовая политика» начинает формироваться, по сути, только тогда, когда возникает жизненная необходимость в явлении «правовая политика», в соответствующей системной, последовательной и научно обоснованной деятельности в сфере правового регулирования, когда право начинает высоко цениться и с ним связывают возможность усовершенствования государства — доведения его до уровня правового государства» [7].

Если на протяжении многих веков ученые увлеченно исследовали то, как сделать политику правовой [12; 8; 9], как «связать» государство и сам процесс управления правом, то сегодняшнее состояние политической и правовой науки свидетельствует уже о смещении акцента в сторону повышения эффективности использования юридических средств в государственном (политическом) управлении и оптимизации политического воздействия при помощи соответствующего юридического инструментария. Тот же факт, что политическая власть сегодня неразрывно связана с юридическими механизмами ее завоевания, удержания и реализации, никем, по большому счету, не оспаривается.

Постановка проблемы

Повышение эффективности современного государственного управления, укрепление позиций государств на международной арене, успешное ведение информационных войн и разработка механизмов противостояния нежелательной пропаганде требуют практически ежедневного совершенствования именно политико-правового инструментария, находящегося в распоряжении современных государств. Процессы либерализации и демократизации моделей государственного развития и управления, проходящие на фоне глобализации и жесточайшей международной конкуренции, борьбы за новые рынки сбыта, природные, энергетические и информационные ресурсы, с очевидностью требуют и новых методов и способов воздействия на политико-правовое сознание и общественные процессы. В сфере действия политико-правового инструментария оказались чувства и настроения людей, их потребности, переживания, мотивы, способы восприятия окружающих реалий и осознания действительности, образование и даже наука [5; 6].

Сказанное обусловило тот очевидный факт, что манипулирование, осуществляемое в самых разных формах, стало неотъемлемым элементом и ресурсом политико-правового воздействия на общественные отношения, средством достижения целей в глобальной политике и международных отношениях. Отрицать все возрастающую роль манипулятивного воздействия на общественные процессы со стороны субъектов государственного управления и международной политики — значит игнорировать реалии и не замечать очевидного.

Вместе с тем, если психологические, финансовые, экономические и политические манипуляции стали предметом исследования большого количества специалистов и получили должную, адекватную сегодняшним реалиям разработку, то **правовые** средства и механизмы манипулятивного воздействия на общественные процессы остаются вне традиционных рамок научных исследований и дискуссий, что приводит не только к явным диспропорциям в ракурсе научных исследований природы, видов и форм манипуляций, но и существенно обедняет исследование потенциала государственного управления, самого права и его роли в развитии современного общества. Более того, каким бы глубоким не был бы анализ манипуляций в политической сфере, он, по нашему убеждению, всегда будет недостаточно полным и объективным вне корреляции с правовыми инструментами манипулятивного воздействия.

Всестороннее исследование политических средств воздействия на общественные процессы не может осуществляться вне анализа того огромного массива масштабных управленческих решений, которые принимаются именно в правовой форме (законы и подзаконные акты, указы, распоряжения, уставы и учредительные документы, международные соглашения и договоры, пакты, соглашения, конвенции, протоколы и т. д.).

Парадоксально, но акцент на правовых механизмах осуществления политических манипуляций не делается даже и тогда, когда в научных исследованиях данные юридические средства, по большому счету, и затрагиваются. Сложившаяся научная традиция не стимулирует исследователей сместить акцент на описание именно тех юридических инструментов, которые и повышают эффективность политических манипуляций, и тем самым существенно обогатить свой анализ.

Сказанное, по нашему мнению, объясняется, в том числе, отсутствием «сотрудничества» между юристами, политологами и психологами в исследовании такой важнейшей формы политико-правового воздействия на общественное сознание, как манипулирование. Полагаем, что введение в научный оборот такой категории, как «политико-правовое манипулирование», данный пробел восполнит и позволит всесторонне изучить следующие две стороны масштабного процесса политико-правового воздействия на общественные процессы:

- юридические механизмы, инструменты, средства, приемы и технику реализации политических манипуляций;
- воздействие политической конъюнктуры на само право, на правотворческие, правореализационные и правоинтерпретационные процессы в государствах, протекающие, что уже давно очевидно, далеко не изолированно от политической воли субъектов управленческого процесса.

Необходимость в обобщающей категории «политико-правовое манипулирование» назрела уже достаточно давно и отрицать тот факт, что право и юридический инструментарий также могут выступать и в качестве средства манипулирования и одновременно его объекта, —

значит не видеть за деревьями леса.

Природа и понятие политико-правового манипулирования

Безусловно, манипуляции в различных сферах — политической, юридической, финансовой, экономической, в сферах интернет-технологий, лингвистического программирования и т. д. — имеют общие черты, присущие манипуляции в целом как комплексной и собирательной категории. Вместе с тем далее в статье мы попытаемся обосновать, что именно политико-правовое манипулирование — это тот органический синтез, который позволяет вне искусственного разделения всесторонне изучить политические и правовые реалии в процессе управляющего воздействия публичной власти на общественные отношения. Правовые акты — важнейшая форма реализации, воплощения в действительность политических решений. Политические же решения не могут не трансформировать тот юридико-правовой инструментарий, которым и располагает публичная власть.

Обращаясь непосредственно к содержанию категории «политико-правовое манипулирование», отметим, что сам термин «манипуляция» имеет ярко выраженный психологический контекст и трактуется как одно из древнейших средств достижения целей человеческой деятельности [10], как стремление изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики [17].

Е.Л. Доценко под манипуляцией предлагает понимать вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [2]. Автор предлагает и иные трактовки (интерпретации) манипуляции, понимая под ней также вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент; вид психологического воздействия, направленного на неявное побуждение другого к совершению определенных манипулятором действий [2]. Все из предложенных ученым трактовок объединяют следующие признаки манипуляции: психологическое воздействие как родовой признак; отношение к манипулятору как к средству достижения собственных целей и получения собственного, одностороннего выигрыша; скрытый характер воздействия и использование психологических приемов, позволяющих играть на слабостях объекта манипуляции.

Т.А. ван Дейк также подчеркивает, что психологическое воздействие присуще любой из форм манипуляции, которая и представляет собой разновидность коммуникативной практики и практики взаимодействия (communicative and interactional practice), при которой манипулятор осуществляет контроль над другими людьми, как правило, против их воли и вопреки их интересам [21]. Т.А. ван Дейк рассматривает манипуляцию через призму злоупотребления властью (abuse of power), при которой оказывается незаконное воздействие посредством дискурса — манипуляторы заставляют других людей верить во что-либо или делать то, что на самом деле выгодно лишь манипулятору и не совпадает с интересами самих манипулируемых. Тем не менее, автор полагает, что манипуляцию как форму неправомерного воздействия (illegitimate influence) на поведение людей следует отличать от правомерного убеждения (legitimate persuasion). Ключевое отличие между двумя обозначенными формами воздействия заключается в том, что в последнем случае собеседник свободен в выборе своих убеждений и поступков в зависимости от того, согласен ли он с

демонстрируемой аргументацией или нет. В случае же с манипулированием собеседникам отводится лишь пассивная роль — они жертвы манипуляции и не способны понять истинных намерений манипулятора или осознать реальные последствия навязываемых убеждений или действий [21]. Особенно часто данная ситуация может иметь место в случае недостатка специальных познаний в какой-либо области у объекта манипуляции, позволяющих ему противостоять оказываемому воздействию [29]. Вместе с тем Т.А. ван Дейк признает, что граница между неправомерной манипуляцией и правоммерным убеждением весьма размыта. Так, некоторыми объектами можно манипулировать при помощи той информации, которая не сможет достичь аналогичного результата с другими, либо же одни и те же объекты могут быть в принципе более или менее подвержены манипуляции в зависимости от различных обстоятельств, настроения, мировоззрения и других факторов [21].

В любом случае, манипулятивные технологии неразрывно связаны с циркулированием информации в обществе, направленностью и спецификой образовательных процессов [18; 5; 3] и во многом зависят от социальной среды или социокультурного поля, в рамках которого осуществляется воздействие на конкретную личность, социальную группу или общество в целом.

Подходы к различным видам манипуляций в большинстве своем опираются на упомянутые выше основополагающие критерии манипуляции, которые вполне вписываются в кантовскую формулу высшего принципа нравственности: «... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [4]. Использование объекта информационного воздействия как средства в достижении определенных целей субъекта воздействия и есть основополагающий критерий манипуляции, который, в свою очередь, предопределяет другие признаки рассматриваемого явления — скрытый характер воздействия, психологическую обработку адресата информации, оптимальные обстоятельства способ и время подачи информации и т. д.

Наряду с психологическим воздействием, другим «родовым», обобщающим критерием манипуляций выступает язык или речь как основное средство воздействия на предполагаемые объекты. В отмеченной связи следует солидаризироваться с позицией Т.А. ван Дейка, заключающейся в том, что своеобразная триада манипуляции (которую автор обозначает как «triangulation framework») представляет собой неразрывную связь между дискурсом (discourse), восприятием или когнитивной деятельностью (cognition) и обществом (society) [22]. Другими словами, манипулятивное воздействие осуществляется на сознание людей (cognition) при помощи текстуального и речевого воздействия (discourse) в обществе взаимодействующих между собой индивидов (society), пользующихся властью и ею же злоупотребляющих [22].

Манипуляциям в политическом дискурсе СМИ, фразеологическим манипуляциям и эффективному речевому воздействию на аудиторию также посвящено немало научных исследований [24; 20; 26; 27]. Различные специалисты вполне убедительно обосновывают позицию, согласно которой язык и речь выполняют две важнейшие, в рамках нашего контекста исследования, функции: мыслеформирующую функцию и функцию формирования реальности. Язык, обладая целым набором лексических ограничений и правил, задает определенные рамки мышлению и, будучи своеобразной призмой, через которую человек воспринимает мир, формирует реальность посредством многочисленных и, зачастую доведенных до автоматизма, когнитивных операций [37]. Манипулятивные технологии в

данной сфере нацелены, прежде всего, на уже сформированные у человека стереотипы мышления, поведенческие установки, мировоззрение, систему ценностей, предубеждения и т. д. В результате подобного воздействия, сознательная и во многом подсознательная интерпретация полученной информации инициирует такие не критические мыслительные процессы [27], которые и приводят к желательному для манипулятора поведению в силу действия перлокутивного эффекта.

Таким образом, три основополагающих составляющих манипулятивного воздействия любого вида — дискурс, когнитивная деятельность и коммуникация в рамках определенного социокультурного поля — и определяют использование манипуляций в самых разных сферах общественных отношений с использованием многообразных изощренных технологий.

Одним из самых распространенных видов манипуляции является политическая манипуляция или манипуляция в политической сфере, которая зачастую определяется как скрытое управление политическим сознанием или поведением людей с целью принудить их действовать (или бездействовать) вопреки собственным интересам [19; 11]. Основная стратегическая цель политического манипулирования — получение, удержание и сохранение власти, что позволяет некоторым общественным деятелям утверждать, что политическая деятельность сама по себе и есть уже определенное манипулирование. В любом случае, манипулирование в различных формах присуще политической деятельности с древнейших времен и далеко не беспочвенны точки зрения, которые пытаются обосновать то, что сами манипуляции бывают необходимыми и полезными [14].

Вместе с тем основная задача политического манипулирования — это все-таки не принуждение определенных групп людей или индивидов действовать вопреки собственным интересам, но вести себя в соответствии с волей и желанием субъекта управления ради реализации его целей.

Политическая деятельность и политическое манипулирование, несмотря на разнообразные технологические приемы и средства, всегда происходят в рамках определенного правового поля, очерченного законодательством конкретного государства либо международным правом. Если речь идет не просто о манипуляции как таковой, ее психологических, лингвистических, пропагандистских и т. д. приемах и способах, а именно о манипуляции политической, связанной с определенными формами институционализации и объективации политической деятельности, то правовой контекст данного феномена сразу же становится очевиден.

Он может проявить себя в достаточно глобальных вопросах, связанных, например, с тем, может ли демократическое правительство (democratic government) манипулировать интересами людей без потери своей легитимности (democratic legitimacy) [25] и в чем же преимущества мажоритарного управления, если психологические особенности поведения большинства и отсутствие необходимой компетенции или же просто эрудиции у масс априори не приводят к доминированию более разумных и взвешенных концепций? Как найти законный компромисс между неэтичным манипулированием в демократическом обществе и неизбежностью катастрофических последствий в случае отсутствия управления мнением большинства в объективно востребованном для государства и самого же общества сценарии развития?

Помимо сказанного, упомянутый выше правовой контекст еще более зримо присутствует в законодательном регламентировании практически любых политических процессов и

технологий, начиная от организации и проведения выборов, использования избирательных приемов и процедур, способов ведения предвыборной агитации, взаимодействия с электоратом, парламентских дискуссий и заканчивая формированием коалиций, союзов, организаций, стратегии и тактики международных отношений, заключением и реализацией международных соглашений и т. д.

Безусловно, категория «политическое манипулирование» не только имеет право на существование, но и отражает саму специфику политического и управленческого процесса практически любого масштаба. Вместе с тем, во многих случаях именно категория «политико-правовое манипулирование» будет более объективно отражать те же самые политические процессы, увязывая происходящее с правовым полем, с той регламентацией самой сути политической деятельности, вне рамок которой политика заканчивается, а начинается откровенный хаос и анархия вне зависимости от формы правления или типа политического режима.

Таким образом, под политико-правовым манипулированием мы предлагаем понимать способ воздействия на общественные отношения политическими и правовыми средствами, представляющий собой стремление изменить восприятие или поведение людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики или стратегии.

Признаки политико-правового манипулирования

Предлагаем выделять следующие признаки политико-правового манипулирования.

1. Политико-правовое манипулирование — это форма психологического воздействия на общественные отношения с использованием политических и/или правовых (политико-правовых) средств, технологий и инструментов. Недооценка психологических аспектов управленческих процессов, определенных когнитивных искажений, равно как и дисфункциональных склонностей различных категорий участников общественных отношений [2] не позволяет эффективно манипулировать сознанием и интересами граждан, отдельных социальных групп и общества в целом.
2. Объекты политико-правового манипулирования используют его субъектов лишь как средство достижения собственных политических или правовых целей, даже если результат манипуляционного воздействия, при определенном стечении обстоятельств, может совпадать с истинными интересами и потребностями манипулируемых.
3. Политико-правовое манипулирование носит скрытый, неявный характер. При этом объекты манипуляций не осознают (либо не полностью осознают) как сам факт манипуляции, так и/либо направление, результат, конечную цель манипуляции. Вместе с тем прямой обман или откровенная ложь манипулированием не являются.

Насильственная же тактика или стратегия, упомянутая в определении политико-правовой манипуляции и используемая ее субъектами, также предполагает оставление объектов манипуляции в неведении относительно истинных целей и замыслов субъектов манипуляции, даже если изменение настроений и ожиданий в обществе, самих способов регулирования отношений в какой-либо сфере опирается на использование таких юридических средств, как ужесточение наказаний, распространение запретов, использование иных императивных методов воздействия, что и понимается под насильственной тактикой и стратегией. Помимо сказанного, насильственная тактика предполагает навязывание определенных шаблонов поведения, стереотипов, социальных мифов и т. д.

4. Политико-правовое манипулирование активно использует настроения и ожидания населения (манипулируемых субъектов), его потребности и запросы для избрания тактики

манипулятивного воздействия, его стратегии и тех средств, которые оптимально впишутся в структуру общественных отношений, сложившуюся в конкретной сфере.

5. Политико-правовое манипулирование осуществляется преимущественно органами/структурами либо отдельными субъектами публичной власти, наделенными административно-распорядительными, правотворческими, правоприменительными или иными властными полномочиями.

6. Политико-правовое манипулирование — это правомерная деятельность, несмотря на то, что, зачастую, поведение субъекта манипулирования нельзя назвать этичным и соответствующим моральным критериям, принятым в данный момент в обществе.

Формальная правомерность политико-правового манипулирования вновь придает актуальность вопросам о соотношении права и морали, права и справедливости, права и целесообразности [23]. Вновь актуализируется дискуссия о «правовом законе», о том, может ли быть закон или иной нормативно-правовой акт, принятый с соблюдением всех установленных критериев, признан неправовым и, если все-таки может, то какова должна быть судьба этого нормативно-правового акта и последствия для тех, кто его нарушает. Можно ли нарушать неправовой закон и кто уполномочен вынести вердикт о неправовом характере закона?

Данные вопросы, несмотря на свой философский характер и длительную историю обсуждения, являются далеко не риторическими. Но, тем не менее, даже злоупотребление правом, в каких бы интересах оно ни совершалось, не является формой противоправного поведения, влекущей за собой наказание или какую-либо иную юридическую ответственность.

В силу сказанного, несмотря на обманную, скрытую и, в определенных случаях, насильственную тактику и стратегию, политико-правовое манипулирование не нарушает действующее законодательство и вписывается в то правовое поле, границами которого и очерчена деятельность субъектов манипуляции.

Противоправная же активность — это не политико-правовое манипулирование, а преступление либо проступок, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Сказанное позволяет сформулировать некоторые выводы.

1. Политико-правовое манипулирование не имеет ничего общего с правонарушением и ответственность за его осуществление может быть лишь политической или моральной, проявляющейся в различных формах общественного либо политического воздействия на субъект манипуляции или в его определенных репутационных рисках.

2. Политико-правовое манипулирование, несмотря на использование обманной и скрытной тактики, прямым обманом не является. Политико-правовое манипулирование тоньше, дипломатичнее, изощреннее, нежели обман или откровенная ложь (в которой, кстати, в отличие от манипуляций, легко уличить).

К примеру, на вопрос о том, какая дорога ведет в Петербург, субъект манипуляции ответит либо правильно, либо убедит объект манипуляции свернуть на Москву, красноречиво продемонстрировав преимущества как самого пути, так и города в целом (если это то, что и пытается добиться субъект манипуляции). В итоге, объект манипуляции сворачивает в сторону Москвы, несмотря на свои первоначальные интересы и прочие резонные и, главное, объективные доводы в пользу Петербурга. В итоге, даже осознав через некоторое время, что он стал жертвой манипуляции, объект манипуляции никого винить в

этом не сможет — его не обманули (ведь два направления ему были указаны правильно) и не принуждали к выбору (ведь, в конечном итоге, решение принимал он сам). Вместе с тем технологии, которыми пользовался субъект манипуляции, изначально заинтересованный в том, чтобы сбить объект манипуляции с избранного им пути, были, безусловно, скрытными и обманными — объект манипуляции удовлетворил не свой интерес, а интерес субъекта манипуляции (не подозревая этого), в то время как последний изначально четко осознавал как свои интересы, так и истинные намерения объекта манипуляции.

3. Политико-правовое манипулирование трансформирует и деформирует реальную, объективную картину политико-правовых процессов, подменяет интересы объектов манипуляций интересами субъектов манипуляций, что может привести к достаточно серьезным общественным диспропорциям. В данном контексте политико-правовое манипулирование даже опаснее, нежели насилие. Жертва насилия осознает реальность и то, что она подверглась грубому и незаконному (неправовому) воздействию со стороны агрессора, оставаясь либо при своих убеждениях, либо осознанно трансформируя их в безвыходной ситуации. Жертвы или объекты политико-правового манипулирования «подвоха» не замечают. Им кажется, что они действуют, исходя из своих интересов или интересов своих близких, находясь на самом деле под воздействием манипулятивных технологий — не видя «врага» и не замечая своих же ошибок.

В отмеченной связи можно обратить внимание на весьма показательный пример использования в манипулятивных целях страдающей синдромом Аспергера пятнадцатилетней шведской «эко-активистки» Греты Тунберг, которая, равно как и ее так называемые «последователи», искренне верит в справедливость своих лозунгов и в то, что она не является марионеткой в руках влиятельных лоббистов. Как иронично подмечается в российской прессе, «Грета утверждает, что всего добилась сама, став "иконой" борьбы за экологию. Но недоверчивые взрослые полагают иначе, пофамильно назвав тех, кто лепил из Тунберг "гуру апокалипсиса"» [15]. Раскрутка эко-активистки стала набирать обороты, и вот уже «... лютеранская церковь в шведском Мальмё объявила о духовной связи больного подростка с Иисусом, а мать Греты сообщила о наличии у нее сверхспособностей. Чего, правда, не замечали в ней прежде одноклассники. Всего за год из нездорового шведского подростка-вегана инвесторы слепили не банальную экоактивистку, а "пророка", способного увлечь за собой сверстников» [15].

Субъекты манипуляции добились поставленных целей, подменив реальную картину мира у подростка и его последователей, тем самым заставив их искренне верить в необходимость совершаемых действий и в полную самостоятельность и оригинальность предпринимаемых действий.

4. Противостоять политико-правовым манипуляциям намного сложнее, чем манипуляциям иных видов в силу, как правило, высокого статуса субъектов данных манипуляций, которыми могут выступать, и зачастую выступают, государства, высшие должностные лица и органы государственной власти, местного самоуправления, структуры гражданского общества и т. д.

Вновь мы наблюдаем теснейший синтез политических, правовых, равно как и психологических, средств манипулятивного воздействия, что и позволяет вести речь о политико-правовом манипулировании как *психологическом феномене* и особой научной категории.

Цели, задачи и средства политико-правового манипулирования

Целью политико-правового манипулирования является удовлетворение интересов субъектов публичной власти (субъектов манипулятивного воздействия), заключающихся в завоевании, удержании и реализации политической власти за счет и в ущерб интересам иных участников общественных отношений, выступающих объектами манипуляций.

К основным задачам политико-правового манипулирования предлагаем относить следующие:

- создать нужную атмосферу или психологический климат в обществе;
- сформировать или изменить восприятие или отношение в обществе к определенным субъектам, фактам, процессам и т. д.;
- обеспечить контроль или облегчить управление какими-либо процессами;
- защитить сложившуюся систему ценностей, идеологию, ход событий, конкретных субъектов и т. д.;
- установить доминирование в какой-либо сфере;
- сформировать нужные отношения с объектами манипуляции или же получить от них требуемую информацию;
- донести конкретную информацию до собеседников, обеспечить внедрение в сознание определенной идеологии, концепции и т. д.

К средствам данного вида манипулирования относится самый широкий спектр политико-правовых, а также *психологических инструментов*, начиная от информационного и пропагандистского воздействия, политических заявлений, решений и заканчивая сугубо юридическими средствами [6].

К юридическим средствам политико-правового воздействия считаем целесообразным отнести:

- нормативно-правовые акты, издаваемые любыми компетентными органами — субъектами публичной власти;
- правореализационные акты, среди которых особое место занимают акты применения права. Именно правоприменительная деятельность, реализуемая властными субъектами, позволяет координировать общественные отношения в нужном объекту манипуляции русле без использования особых информационных и материальных ресурсов в силу действия субординационных процессов, присущих вертикали власти;
- акты толкования права, среди которых в первую очередь следует выделять акты официального, профессионального и научного толкования права. В отмеченном контексте следует согласиться с точкой зрения, высказанной еще в 1946 г. Д. Брирли, что в процессе своего толкования тексты даже конституций преобразуются до такой степени, которую и представить бы себе не смог кто-либо, читающий текст основного закона в момент его принятия [18].

Особое место среди юридических средств, широко используемых при осуществлении политико-правовых манипуляций, принадлежит юридическим стимулам (субъективные права, льготы, поощрения, премии, дозволения, привилегии, иммунитеты и т. д.) и ограничениям (юридические обязанности, запреты, штрафы, ответственность и т. д.), умелое сочетание которых образует эффективные механизмы правового регулирования или даже правовые режимы, благоприятствующие удовлетворению интересов субъектов манипуляций.

Политико-правовое манипулирование как метод анализа

Рассмотрим некоторые примеры политико-правовых манипуляций, которые вряд ли можно всесторонне проанализировать через призму исключительно политического или же

лишь правового манипулирования.

Масштабный процесс приватизации в России, который начался, по сути, в момент закрепления данного понятия в Законе РСФСР от 24.12.1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» проходил под лозунгом обеспечения надлежащих условий для построения и функционирования эффективной рыночной экономики, создания класса частных собственников, бережно и эффективно управляющими переданными им объектами государственной собственности. Создание «цивилизованной экономики», «эффективных рыночных механизмов», «думающих частных собственников», «эффективных собственников» — это лишь часть тех броских фраз, которыми изобиловало информационное пространство России, особенно в период 1990—2000 гг. В обществе активно создавался позитивный имидж предпринятых «смелых» и «давно назревших» реформ, которые были обеспечены весьма значительным массивом нормативно-правовых актов, отвечающих «духу» процесса приватизации.

Вместе с тем историко-правовой анализ процесса приватизации и откровенные интервью ее организаторов говорят о том, что не столько процесс создания «эффективных частных собственников» являлся первоочередной задачей предпринятых реформ, но «более масштабная» задача — борьба с коммунизмом и влиянием коммунистической партии. А.Б. Чубайс, непосредственно руководивший процессом приватизации, прямо говорит о том, что «... приватизация — это была священная война против коммунистов. А на войне ни денег, ни жертвы не считают» [3]. Он также подчеркивает, что «... приватизация в России до 1997 года вообще не была экономическим процессом. Она решала совершенно другого масштаба задачи, что мало кто понимал тогда, а уж тем более на Западе. Она решала главную задачу — остановить коммунизм» [3].

Данный пример позволяет нам говорить о политико-правовом манипулировании в чистом виде. Масштабные цели государственного управления реализовывались при помощи как политических, так и разнообразных юридических средств (правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных), оставляя большинство участников процесса в неведении относительно истинного замысла организаторов процесса приватизации — заставить «коммунистов» играть по правилам, навязываемым «либералами».

Убежден, что детальный анализ манипулирования в рамках процесса приватизации возможен лишь через призму использования политико-правовых инструментов в их неразрывном единстве. Методологическим трамплином подобного исследования и призвана выступить категория «политико-правовое манипулирование».

Полагаем, что именно через призму политико-правового манипулирования необходимо исследовать процессы трансформации современных международных отношений, динамику роли и функций международных организаций и институтов, тенденции развития международного права в целом.

Законы и иные нормативно-правовые акты сегодня все чаще рассматриваются как средства переустройства общества или социальной инженерии (social engineering) [16], а основным достижением международного права, по справедливому мнению целого ряда исследователей, является легализация и легитимизация процесса небывалой экспансии международных организаций, чья деятельность зачастую нивелирует понятие государственного суверенитета [13; 20] и создает лишь иллюзию обладания им для значительного количества стран современного мира [28].

Создавая видимость борьбы за права человека и повышение ключевых показателей качества жизни, влиятельные международные организации устанавливают практически полный контроль над целыми государствами, а гуманитарные интервенции и вовсе прикрывают прямые военные операции, осуществляемые под эгидой ООН в обход решений его ключевого органа — Совета Безопасности [28: 33].

Заключение

Обозначенные выше и многие другие процессы, которые на наших глазах видоизменяют геополитическую картину мира и заставляют по-новому оценивать политико-правовые и социально-экономические реалии, актуализируют исследование такой категории, как политико-правовое манипулирование.

Политико-правовое манипулирование необходимо рассматривать, в том числе, и как одну из форм *психологического воздействия* на общественные процессы, в которой синтезируются психологические, политические и правовые средства, актуализируя информационно-психологический аспект действия как правовых, так и политических норм в обществе [17].

Призма политико-правового манипулирования позволяет объективно оценить сущность и спрогнозировать последствия самых разных политических процессов — от международных до внутригосударственных — и оптимизировать те механизмы, которые смогут минимизировать негативные результаты навязываемых установок или шаблонов поведения.

Политико-правовое манипулирование нельзя оценивать однозначно. Это данность и объективная реальность современных управленческих процессов практически любого масштаба. Политико-правовое манипулирование порождено самим обществом и общественные же процессы и деформирует, исходя из доминирующих потребностей, интересов и запросов.

Права и свободы человека являются высшей ценностью. Политико-правовое манипулирование и ставит их во главу угла, оптимизируя и постоянно совершенствуя свои механизмы и технологии.

Литература

1. Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания [Электронный ресурс] // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 8—23. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>. (дата обращения: 10.06.2020).
2. Борисова С.Е. Управленческие функции и их моделирование в ходе социально-психологического тренинга с руководителями подразделений Госавтоинспекции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 18—32. URL: <http://dx.doi:10.17759/psylaw.2019090402>. (дата обращения: 10.06.2020).
3. Бочавер А.А., Докука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 1—18. URL: <http://dx.doi:10.17759/cpse.2019080301>. (дата обращения: 10.06.2020).
4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с.
5. Ермолаева М.В., Исаев Е.И., Лубовский Д.В. Развитие личностных качеств студентов в ходе обучения в магистратуре [Электронный ресурс] // Психологическая наука и

- образование. 2020. Том 25. № 2. С. 33—43. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/pse.2020250203>. (дата обращения: 10.06.2020).
6. *Зонова Т.В., Джаннотти А.* Россия и Запад: противоречивый диалог [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13(1). С. 23—38. URL: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-23-38>. (дата обращения: 10.06.2020).
7. Интервью А.Б. Чубайса. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2010/08/23/4364/chubajs-o-celyax-privatizacii>. (дата обращения: 10.06.2020).
8. *Кант И.* Критика практического разума. Спб.: Наука, 1995. 528 с.
9. *Касаткин П.И., Антюхова Е.А.* Диалектика традиций и новаторства в отечественной диссертационной культуре [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 27—46. URL: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-27-46>. (дата обращения: 10.06.2020).
10. *Касаткин П.И., Ивкина Н.В.* Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС [Электронный ресурс] // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 26—36. URL: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-26-36>
11. *Малько А.В.* Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 384 с.
12. *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1879. 250 с.
13. *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1908. 271 с.
14. *Пугачев М.В.* Манипуляция как пограничное состояние человека // Альманах современной науки и образования. 2014. № 11(89) С. 109—116.
15. *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию. М.: Кнорус, 2017. 520 с.
16. *Радбрух Г.* Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. 240 с.
17. *Столяренко А.М., Сердюк Н.В., Вахнина В.В., Боева О.М., Грищенко Л.Л.* Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 75—89. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/psylaw.2019090406>. (дата обращения: 10.06.2020).
18. *Толстых Н.Н., Тер-Аванесова Н.В., Черняк Н.А.* Социальные представления о школе и учении в разных группах участников образовательного процесса [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 6. С. 5—15. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/pse.2019240601>. (дата обращения: 10.06.2020).
19. *Субочев В.В.* Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 13—21.
20. *Субочев В.В.* The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12(4). С. 266—275. URL: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-266-275>
21. *Цуладзе А.* Политические манипуляции или покорение толпы. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 144 с.
22. *Шестаков Е.* Заколдованная Грета // Российская газета. 2019. 2 октября.
23. *Astorino S.J.* The Impact of Sociological Jurisprudence on International Law in the Inner War Period: The American Experience // *Duquesne Law Review*. 1996. № 34. P. 277—280.
24. *Braiker H.B.* Who's Pulling Your Strings? How to Break the Cycle of Manipulation. McGraw-Hill Prof Med/Tech, 2004. 256 p.

25. *Brierly J.L.* The Covenant and the Charter. *British Yearbook of International Law*. 23rd Year of Issue. Oxford University Press, 1946. P. 83—95.
26. *Cabrejas-Penuelas A.B.* Manipulation as an Ideological Tool in the Political Genre of Parliamentary Discourses [Электронный ресурс] // *Pragmatics*. 2017. 27(2). P. 207—234. URL: <http://dx.doi.org/10.1075/prag.27.2.02cab>. (дата обращения: 10.06.2020).
27. *Cohn N.* Your Brain on Comics: A Cognitive Model of Visual Narrative Comprehension [Электронный ресурс] // *Topics in Cognitive Science*. 2019. 1. P. 17—26. URL: <http://dx.doi.org/10.1111/tops.12421>. (дата обращения: 10.06.2020).
28. *Dijk T.A.* Discourse and Manipulation // *Discourse and Society*. 2006. 17(2). P. 359—383.
29. *Dijk T.A.* Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity. // *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2001. P. 95—120.
30. *Ibragimov I.D., Sangadzhiev B.V., Kashurnikov S.N., Sharonov I.A., Krokhina, J.A.* Machiavellianism and Manipulation: From Social Philosophy to Social Psychology [Электронный ресурс] // *XLinguae*. 2018. 11(2). P. 404—419. URL: <http://dx.doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.33>. (дата обращения: 10.06.2020).
31. *Kolmogorova A.V., Gornostaeva Yu.A.* Media Coverage of Current Political Situation in Ukraine: Discourse Analysis [Электронный ресурс] // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2016. 12(1). P. 89—96. URL: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0031>. (дата обращения: 10.06.2020).
32. *Paulo N., Bublitz C.* Pow(d)er to the People? Voter Manipulation, Legitimacy, and the Relevance of Moral Psychology for Democratic Theory [Электронный ресурс] // *Neuroethics*. 2019. 12(1). P. 55—71. URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s12152-016-9266-7>. (дата обращения: 10.06.2020).
33. *Perisic P.* Intervention by Invitation — When Can Consent from a Host State Justify Foreign Military Intervention? [Электронный ресурс] // *Russian Law Journal*. 2019. 7(4). P. 4—29. URL: <http://dx.doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-4-4-29>. (дата обращения: 10.06.2020).
34. *Petrova M.V.* Strategies and tactics of verbal countermanipulation [Электронный ресурс] // *XLinguae*. 2018. 11(3). P. 185—196. URL: <http://dx.doi.org/10.18355/XL.2018.11.03.18> (дата обращения: 10.06.2020).
35. *Schotter E.R., Leininger M., von der Malsburg T.* When your mind skips what your eyes fixate: How forced fixations lead to comprehension illusions in reading [Электронный ресурс] // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2018. 25(5). P. 1884—1890. URL: <http://dx.doi.org/10.3758/s13423-017-1356-y> (дата обращения: 10.06.2020).
36. *Sinclair G.F.* To Reform the World: International Organizations and the Making of Modern States. Oxford: Oxford University Press, 2017. 368 p.
37. *Ubozhenko I. V.* Cognitive Political Discourse Analysis: Creative Translation Teaching Case [Электронный ресурс] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2020 13(3). P. 363—374. URL: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0566>
38. *Wodak R.* And Where is the Lebanon? A Socio-Psycholinguistic Investigation of Comprehension and Intelligibility of News // *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1987. № 7(4). P. 377—410.

References

1. Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? An Experiment with Empirical Research. *Polis*.

- Political Studies*, 2019, no. 2, pp. 8-23. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
2. Borisova S.E. Management Functions and Their Modeling Within a Socio-Psychological Training with the Traffic Police Department Heads [Elektronnyi resurs]. *Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4. pp. 18—32. Available at: <https://dx.doi.org/10.17759/psylaw.2019090402>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  3. Bochaver A.A., Dokuka S., Sivak E.V., Smirnov I.B. Internet Use and Depressive Symptoms in Adolescents: a Review [Elektronnyi resurs]. *Clinical Psychology and Special Education*, 2019. Vol. 8, no. 3, pp. 1—18. Available at: <https://dx.doi.org/10.17759/cpse.2019080301>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  4. Dotsenko E.L. Psihologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. [Psychology of manipulation: phenomena, technique and protection]. Moscow: Moscow State University Publ, 1997. 344 p. (In Russ.).
  5. Ermolaeva M.V., Isaev E.I., Lubovsky D.V. Personality Trait Development in Psychology Students During the Graduate Year. *Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 2, pp. 33—43. Available at: <http://dx.doi.org/10.17759/pse.2020250203>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  6. Zonova T.V., Giannotti A. Russia and the West: Contradictory Dialogue. *MGIMO Review of International Relations*, 2020, no. 13 (1), pp. 23-38. Available at: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-23-38> (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  7. Interv'yu A.B. Chubajsa. [Interview of A.B. Chubais]. Available at: <http://www.pravda-tv.ru/2010/08/23/4364/chubajs-o-celyax-privatizacii>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  8. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma. [Critique of Practical Reason]. Petersburg: Nauka Publ., 1995. 528 p. (In Russ.).
  9. Kasatkin P.I., Antyukhova E.A. Tradition and Innovation Dialectics in Russian Dissertation Culture. *MGIMO Review of International Relations*, 2019, no. 2. pp. 27-46. Available at: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-27-46> (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  10. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. Cultural and Educational Dimensions of EU Soft Power. *Comparative Politics*. 2018, no. 1. pp. 26-36. Available at: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-26-36>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  11. Malko A.V. Teoriya pravovoj politiki [The Theory of Legal Policy]. Moscow, Urlitinform Publ., 2012. 384 p. (In Russ.).
  12. Muromtsev S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava [The Definition and Major Division of Law]. Moscow: Mamontov A.I. & Co Publ., 1979. 250 p. (In Russ.).
  13. Petrazitskiy L.I. Vvedenie v izuchenie prava i npravstvennosti. Osnovy emocional'noj psihologii [Prolegomenon of of Law and Ethics. The Basics of Emotional Psychology]. S.-Petersburg: Yu. N. Erlikh Publ., 1908. 271 p. (In Russ.).
  14. Pugatskii M.V. Manipulation as Border State of Man. *Anthology of Modern Science and Education*, 2014, no. 11 (89), pp. 109-116. (In Russ.).
  15. Pugachev V.P., Soloviev A.I. Vvedenie v politologiyu [Introduction to Political Science]. Moscow: Knorus Publ., 2017. 520 p. (In Russ.).
  16. Radbruch G. Filosofiya prava. [Philosophy of Law]. Moscow: International Relations Publ., 2004. 240 p. (In Russ.).
  17. Stolyarenko A.M., Serdyuk N.V., Vakhnina V.V., Boeva O.M. Psychological Aspects of Destructive Information-Psychological Influence [Elektronnyi resurs]. *Psychology and Law*, 2019.

Vol. 9, no. 4. pp. 75—89. Available at: <http://dx.doi:10.17759/psylaw.2019090406>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).

18. Tolstykh N.N., Ter-Avanesova N.V., Chernyak N.A. Social Representations About School and Learning in Different Groups of Participants of the Educational Process. *Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no. 6. pp. 5—15. Available at: <http://dx.doi:10.17759/pse.2019240601>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).

19. Subochev V.V. Dissolution of Sovereignty: Theoretical Approach to Political and Legal Environment. *Legal Policy and Legal Life*, 2016, no. 2. pp. 13-21. (In Russ.).

20. Subochev V.V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World. *MGIMO Review of International Relations*, 2019, no. 12(4), pp. 266-275. Available at: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-266-275>. (Accessed 10.06.2020).

21. Tsuladze A. Politicheskie manipulyacii ili pokorenie tolpy [Political Manipulation or Crowd Subjugation]. Moscow: University Publ., 1999. 144 p. (In Russ.).

22. Shestakov E. Zakoldovannaya Greta [Enchanted Greta]. *Rossijskaya gazeta*, 2019, October, 2.

23. Astorino S.J. The Impact of Sociological Jurisprudence on International Law in the Inner War Period: The American Experience. *Duquesne Law Review*, 1996, no. 36, pp. 277- 280.

24. Braiker H.B. Who's Pulling Your Strings? How to Break the Cycle of Manipulation. McGraw-Hill Prof Med/Tech., 2004. 256 p.

25. Brierly J.L. The Covenant and the Charter. *British Yearbook of International Law*. 23rd Year of Issue. Oxford University Press, 1946. pp. 83-95.

26. Cabrejas-Penuelas A.B. Manipulation as an Ideological Tool in the Political Genre of Parliamentary Discourses. *Pragmatics*, 2017, no. 27 (2), pp. 207-234. Available at: <http://dx.doi.org/10.1075/prag.27.2.02cab>. (Accessed 10.06.2020).

27. Cohn N. Your Brain on Comics: A Cognitive Model of Visual Narrative Comprehension. *Topics in Cognitive Science*, 2019, no. 1. pp. 17-26. Available at: <http://dx.doi.org/10.1111/tops.12421>. (Accessed 10.06.2020).

28. Dijk T.A. Discourse and Manipulation. *Discourse and Society*, 2006, no. 17 (2), pp. 359-383.

29. Dijk T.A. Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity. *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2001. pp. 95—120.

30. Ibragimov I.D., Sangadzhiev B.V., Kashurnikov S.N., Sharonov I.A., Krokhina, J.A. Machiavellianism and Manipulation: From Social Philosophy to Social Psychology. *XLinguae*, 2018, no. 11 (2), pp. 404-419. Available at: <http://dx.doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.33> (Accessed 10.06.2020).

31. Kolmogorova A.V., Gornostaeva Yu.A. Media Coverage of Current Political Situation in Ukraine: Discourse Analysis. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2016, no. 12 (1), pp. 89-96. Available at: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0031>. (Accessed 10.06.2020).

32. Paulo N., Bublitz C. Pow(d)er to the People? Voter Manipulation, Legitimacy, and the Relevance of Moral Psychology for Democratic Theory. *Neuroethics*, 2019, no. 12 (1), pp. 55-71. Available at: <http://dx.doi.org/10.1007/s12152-016-9266-7>. (Accessed 10.06.2020).

33. Perisic P. Intervention by Invitation — When Can Consent from a Host State Justify Foreign Military Intervention? *Russian Law Journal*, 2019, no. 7(4), pp. 4-29. Available at: <http://dx.doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-4-4-29>. (Accessed 10.06.2020).

34. Petrova M.V. Strategies and tactics of verbal countermanipulation. *XLinguae*, 2018, no. 11 (3), pp. 185-196. Available at: <http://dx.doi.org/10.18355/XL.2018.11.03.18> (Accessed 10.06.2019).

Малько А.В., Субочев В.В.
Политико-правовое манипулирование как
психологический феномен и научная категория
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 163—180.

Malko A. V., Subochev V. V.
Political and legal Manipulation as a Psychological
Phenomenon and a Scientific Category
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 163—180.

35. Schotter E.R., Leinenger M., von der Malsburg T. When your mind skips what your eyes fixate: How forced fixations lead to comprehension illusions in reading. *Psychonomic Bulletin and Review*, 2018, no. 25 (5), pp. 1884-1890. Available at: <http://dx.doi.org/10.3758/s13423-017-1356-y>. (Accessed 10.06.2020).
36. Sinclair G.F. *To Reform the World: International Organizations and the Making of Modern States*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 368 p.
37. Ubozhenko I. V. Cognitive Political Discourse Analysis: Creative Translation Teaching Case. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2020, no. 13(3), pp. 363—374. Available at: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0566>. (Accessed 10.06.2020).
38. Wodak R. And Where is the Lebanon? A Socio-Psycholinguistic Investigation of Comprehension and Intelligibility of News. *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 1987, no. 7(4), pp. 377-410.

Информация об авторах

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Поволжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правовых основ управления, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3536-4707>, e-mail: vvsuchochev@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Malko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Volga Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice", Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Vitaly V. Subochev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of Department of Legal Foundations of Administration, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3536-4707>, e-mail: vvsuchochev@mail.ru

Получена 25.05.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 25.05.2020
Accepted 02.02.2021